

Литература

1. Кант И. Критика способности суждения // И. Кант. Соч.: В 6 т. М., 1965.
2. Ганди М. Все люди – братья // Открытие Индии. Философские и эстетические воззрения в Индии XX века. М., 1987.
3. Тагор Р. Национализм. Пг., 1922.
4. Григорьева Т. Дао и Логос. Возвращение. М., 1992.
5. Бородай Ю. Эротика. Смерть. Табу. М., 1976.
6. Максимов П.В. Проблема обоснования морали. Логико-когнитивные аспекты. М., 1991.

И.Е. Рудковская

МИР И ВОЙНА В АНГЛО-ШОТЛАНДСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Томский государственный педагогический университет

Среди исторических работ, оказавших заметное влияние на формирование представлений о войне и мире поколений, переживших эпоху наполеоновских войн, принявших непосредственное участие в развертывании войн или достижении мира, особое место принадлежит историкам, по праву признанным современниками «Историческим Триумvirатом Британии» [1, с. 369]. Масштабные, блестяще написанные труды Д. Юма, В. Робертсона, Э. Гиббона доносили до читателей ту ценностную шкалу, которая была разработана эпохой Просвещения. Их работы свидетельствуют о нарастании стремления развенчать войну, лишить ее романтического ореола. Кроме того, рассматривая историю не только как «весьма ценную часть знания», но и как науку, которая «открывает дорогу другим видам знаний и снабжает материалом большинство наук» [2, с. 819], историки англо-шотландской школы представили, несомненно, очень ценный материал, позволяющий судить как о реалиях войны и мира в изучавшиеся ими эпохи, так и о реакции на внешние и внутренние войны людей эпохи Просвещения. Выявлению историографической и философской предопределенности, а также общего и особенного в подходе Д. Юма, В. Робертсона, Э. Гиббона к проблемам войны и мира посвящена эта работа.

Взгляды на проблемы войны и мира представителей англо-шотландской историографической школы сложились под впечатлением собственного исторического, философского, публицистического труда эпохи Просвещения представления о совершенно новом характере войн XVIII в. Говоря о событиях войны за Испанское наследство (1700–1714), Г. Болингброк отмечал: «Битвы, осады, внезапные повороты, происходившие в течение этой войны, не имеют аналогий в каком-либо периоде истории» [3, с. 242]. Неоднократно подобную

мысль высказывал и Ф. Вольтер [4, с. 9, 187–188], возможно, не без влияния Болингброка, которого называл одним из самых блестящих умов и лучшим оратором своего века [5, с. 244]. Вероятно, это отчетливое понимание новизны эпохи с военной точки зрения обусловило увлечение историей французских просветителей, уже в 30–40-х годах XVIII в. создавших целый ряд произведений, в которых сюжеты неизбежно касались войны и мира. Ш. Монтескье посвятил немало страниц рассуждениям о причинах величия и падения римлян [6]. Среди героев книг Вольтера – почти исключительно его воинственные современники: Карл XII и Петр I, Людовик XIV и Людовик XV.

Складывание англо-шотландской историографической традиции под отмеченным Г. Шпетом «обратным влиянием французского Просвещения» [7, с. 76] ставит исследователя перед необходимостью выявления специфики этой генетической предопределенности. В замечании XLIV, завершавшем раздел «Доказательства и объяснения» в конце I тома «Истории государственного императора Карла V», В. Робертсон охарактеризовал значимость исторических работ Вольтера для его собственных исследований. Он счел необходимым объяснить отсутствие в его работе ссылок на работу Вольтера, посвященную тому же периоду. Вольтер, отмечал Робертсон, «редко подражает примеру новейших историков – означать писателей, которыми руководствовался», не позволяя «утверждаться на нем, говоря о делах сомнительных и малоизвестных». В то же время шотландский историк подчеркнет: «Я уважаю творения этого необыкновенного человека... он часто светил мне в моих разысканиях и не только указывал, что было важно для исследования, но даже научал, какие выводить из того приличные заключения» [8, с. 345–346]. С точки зрения Роберт-

сона, если бы Вольтер указывал источники своих сведений, то его читатели «нашли бы в нем Историка ученого и начитанного», а не только писателя занимательного и остроумного. Неоднократно упомянут в труде Робертсона Монтескье как автор, чьи исследования отличаются «обыкновенною его разборчивостью и основательностью» [8, с. 208, 320–321]. Э. Гиббон принадлежал к другому поколению, выросшему в тот период, когда новаторство французских просветителей уже не воспринималось в качестве такового и слабость аргументации не перекрывалась оригинальностью, нестандартностью взгляда. Поскольку на поприще изучения истории Рима Монтескье был в ряду непосредственных предшественников Гиббона, обойти его работу молчанием он не мог, однако ссылки на работу Монтескье в большинстве случаев сопровождалась нескрываемой иронией, выделением, наряду с «обычным остроумием», «редкой ясности» и «живой фантазии» [9, т. I, с. 222, 271, 302, 384]. Формула «Один остроумный философ нашел... и позволил себе утверждать...» вполне раскрывает специфику отношения историка к исследовательским методам автора «Размышлений о причинах величия и падения римлян» [9, т. II, с. 139]. Вольтер в меньшей степени соприкасался с научными интересами Гиббона, но в нечастых ссылках историка на работы философа также заметна неудовлетворенность «самыми шаткими доказательствами» [9, т. II, с. 205].

В философских, в исторических работах французских просветителей, в их переписке очевидно раздвоение авторской позиции: акцентированное осуждение войны сочетается с признанием ее необходимости, а порой и с призывами к ней, с рекомендациями по ее проведению. Представление о приоритетности созидания над разрушением – лейтмотив практически всех работ этого периода. Характерно сопоставление Карла XII и Петра I, которое сделал Вольтер в книге, увидевшей свет в 1731 г., посвященной шведскому королю: первый знаменит был к началу Полтавской баталии «девятью годами побед», второй – «девятью годами трудов», первый «раздавал чужие государства», второй – «просветил свое», первый имел прозвище «Непобедимый», которое «мог потерять в одно мгновение», второй же не мог потерять прозвища «Великий», так как «народы прозвали» его «не за военные победы» [5, с. 146]. Формулируя задачу описать в книге о Людовике XIV прежде всего «что были они», т.е. французы, в то время, Вольтер обещал не занимать своих читателей «пространным описанием бесчисленных военных действий, осады городов, взятых и обратно завоеванных, уступленных и возвращенных при мире» [4, с. 9], надеялся преимущественно изобразить «нравы народные, начертать историю ума человеческого, особенно наук и художеств»,

торговли, законов [10, с. 103, 147–148]. Но материал увлекал его, и войны заполняли страницу за страницей, хотя ему уже случалось сожалеть в письме Фридриху, тогда еще наследному принцу, «что писал одни ужасы войны кровопролитной» в книге, посвященной Карлу XII [10, с. 33]. Несмотря на очевидный антивоенный пафос его работ, протест против «искусства истреблять род человеческий», он признавал, что «к несчастью, кажется, политика и оружие суть два ремесла, необходимые человеческому роду» [4, с. 450, 33]. Более того, европейские войны, с точки зрения Вольтера, несмотря на то, что зачастую миллионы людей приносятся в жертву «для приобретения нескольких пограничных городов, редко вознаграждающих издержки завоевания» [4, с. 32], могут быть охарактеризованы понятием «правильной войны», противопоставляемой им тому грабежу, который был свойственен, ввиду отсутствия жалования, татарам, шедшим на войну с войском турецкого султана [4, с. 180]. В письмах к Екатерине II, начиная с 1767 г., рефреном будет проходить призыв к активизации войны с Турцией» [11, с. 22–23, 28–29, 30–33, 38, 41–44, 49, 55, 62, 67, 69, 73, 81–83, 86, 90, 95–96, 101, 137, 148, 152, 193]. «Мир – превосходное дело, – напишет ей Вольтер 16 мая 1774 г., – и я его больше всего жаждал, если не считать взятия Константинополя» [12, с. 254]. Не склонен был Вольтер преувеличивать и миролюбие народов; им был отмечен, например, феномен приверженности войне значительной части англичан: «Английская королева Анна умерла 10 августа 1714 года, ненавидимая половиной своего народа за то, что заключила мир со столькими государствами» [4, с. 245].

Монтескье, будучи убежден, что «ни одна нация не подготавливала войну так благоразумно и не вела ее так отважно», как римляне, стремился вынести из изучения римского военного наследия уроки для современников: «Мы замечаем теперь, что наши армии теряют очень много людей вследствие того, что солдат заставляют очень много работать... У нас очень часты случаи дезертирства, ибо солдат набирают из самых подонков каждой армии» [6, с. 55–57]. Ссылки на современность, постоянная актуализация римской военной традиции позволяет видеть в этой работе опыт осмысления войн своего века, не утративший значения и десятилетия спустя. «Мы часто видим государей, – писал Монтескье, – которые умеют давать сражения; но очень мало таких государей, которые умеют вести войну...» [6, с. 71]. Безумием называл Монтескье не свойственное римлянам стремление победителей навязать всем народам свои законы и свои обычаи [6, с. 79]. Согласно Монтескье, основной принцип республики в Риме «состоял в том, чтобы непрерывно воевать», тогда как императоры «руко-

водствовались правилом – поддерживать мир» [6, с. 105]. Однако эта формула, вероятно, не рассматривалась им как нечто константное: в опубликованном в 1748 г. главном его труде «О духе законов» Монтескье подчеркнет: «Дух монархии – война и расширение территорий; дух республики – мир и умеренность» [13, с. 270]. В этой же работе Монтескье рассуждал о праве народа не только на оборонительную, но и на превентивную войну, целую главу посвятил праву завоевания, которое, по его мнению, вытекает из права войны, связано с приобретением и потому не дает права разрушать, убивать побежденных, а обращение в рабство как «случайное последствие завоевания» он признавал правомерным лишь при наличии перспективы превращения поработанного народа в подданного [13, с. 275–277]. «Так поступали наши отцы, завоевавшие Римскую империю», – подчеркивал просветитель, гордившийся, как отмечал Н.И. Кареев, своим происхождением от германцев – «племени завоевателей» [14, с. 14], утверждавший, что «завоевание может разрушить вредные предрассудки..., дать в руководители народу лучшего гения», налагая на завоевателя громадные обязательства [13, с. 278]. Тезис Монтескье словно предрек народам Европы феномен Наполеона.

Д. Юм рассматривал проблемы войны и мира в контексте истории Британии от эпохи Юлия Цезаря до середины XVII в. [15]. Его исторический труд на себе испытал судьбоносное воздействие войны: в «Автобиографии» Юм отмечал, что лишь начавшаяся война между Англией и Францией не позволила ему отказаться от продолжения исследования, первый том которого был встречен «криком неудовольствия, негодования, почти ненависти», так что его автор подумывал уже о переезде в «один из провинциальных городов» Франции» [16, с. 39]. Обращаясь к историографическому наследию Д. Юма, нельзя игнорировать те его суждения, которые были высказаны им в его философских сочинениях. Вечным источником войн и раздоров Юм признавал эгоизм и честолюбие, полагая естественным одобрение тех поступков, которые «способствуют сохранению общего мира», и порицание тех, что «направлены на его нарушение» [17, с. 728, 730]. И война, и мир, согласно Юму, имеют свои законы [18, с. 253]. Вечные войны в древних республиках представлялись ему естественным следствием не только воинского духа, любви к свободе, взаимного соревнования, но и «той ненависти, которая не может не существовать между соседственными народами» [19, с. 51]. Восприятие войны гражданами и особенно прессой в современной ему Англии определяется, полагал он, традицией критического отношения к любому действию правительства: «Если правительство принимает решение о войне, то ут-

верждают, что оно умышленно или неумышленно понимает интересы страны неправильным образом и что мир при данном состоянии дел несравненно предпочтительнее». Соответственно, если же «министры склонны к миру, то наши писатели, трактующие политические вопросы, жаждут войны и разрушения и изображают мирное поведение правительства низким и малодушным» [20, с. 573]. Юм предполагал, что перед угрозой «всесокрушающих бедствий», обширных завоеваний наиболее уязвимыми будут именно свободные системы правления и что в таких государствах должен быть издан «суровый закон против ведения захватнических войн», чему, впрочем, препятствует то обстоятельство, что «все же у республик, как и у людей, есть свое честолюбие» [21, с. 797].

В своем историческом труде он неоднозначно подходил к различным вариантам политики войны и политики мира: спокойно взвешивал плюсы и минусы завоевания Британии римлянами [15, р. 12–14], довольно эмоционально описал ужас, охвативший англичан при известии о несчастной битве при Гастингсе [15, р. 198], скептически отзывался о проявлениях миролюбия Якова I как очевидных свидетельствах слабости государя, незнания специфики международной политики правителем, лишенным как политического мужества, так и соответствующего опыта [22, с. 102]. Много внимания Д. Юм уделял внутренним конфликтам, однако, если речь шла лишь о борьбе за власть, как в случае войны Алой и Белой розы, он предпочитал излагать события настолько кратко, насколько было возможно. Иным должно быть, по его убеждению, отношение к тем событиям, где речь шла о «великих конституционных принципах» [15, р. 223]. К их числу можно отнести подробно рассматривавшееся им противостояние между Шотландией и английской короной, которое он считал наиболее интересным событием царствования Эдуарда I и его преемников [15, р. 158]. Юм подчеркивал, что против английских королей выступала шотландская нация в целом, писал о терроре английской власти, ослаблявшемся, правда, слабым руководством со стороны Эдуарда II, сумевшего, однако, собрать под свои знамена силы Гаскони, Фландрии, Ирландии и Уэльса; историк приводил численность войск с обеих сторон, ссылаясь на данные шотландских авторов [15, р. 166, 168–169]. В написанных первыми, но хронологически завершающих томах, посвященных истории Англии при Стюартах, Юм воссоздал историю революции XVII в. Яков I как представитель шотландской династии на английском престоле выведен им неким символом многовекового противостояния двух «соседственных народов»: «Он родился, – писал Д. Юм, – в чужой стране и вырос среди враждебного народа... привез с

собой в Англию великое множество придворных-шотландцев... не учел, что память о прошлом все еще действует на человеческие предрассудки, ... поддерживая между обеими нациями ту ненависть, которая в прежние времена доходила до крайности и не могла ослабеть так быстро» [22, с. 6, 7, 20–21]. Для короля, согласно Юму, была свойственна наивная вера в то, что его подданные в обоих королевствах поддержат идею полного объединения парламента, законов и привилегий во имя поддержания мира, что его величайшее усердие и нетерпение, с которым он добивался унии двух королевств, не пропадет даром. «Особым счастьем, выпавшим его правлению, Яков по справедливости, – замечал историк, – считал то, что ему удалось положить конец кровавой вражде соперничающих народов и объединить под одной властью весь остров, наслаждавшийся теперь внутренним миром и надежно защищенный от любых вторжений извне» [22, с. 20]. Исторический труд Д. Юма, таким образом, позволяет говорить об органическом единстве его философских и исторических воззрений.

Чрезвычайно обширное пространство войны эпохи Карла V воспроизвел В. Робертсон [8]. Не ограничиваясь пределами одной страны или даже Европы, он затронул также события в расширявшихся владениях турецкого султана и даже на африканском континенте. Если в трудах Юма и Гиббона преобладали временные характеристики, так как их труды были посвящены процессам, разворачивавшимся в буквальном смысле на протяжении тысячелетий, то в хронотопе Робертсона преобладало пространство: в основной части своего труда он ограничился событиями XVI столетия. В то же время в обширной вводной части, где главенствовал временной фактор, он жестко увязал специфику исторического развития Англии на протяжении многих веков, замедленное развитие торговли с вторжениями и войнами, как внешними, так и внутренними. По словам Робертсона, «народ долго не мог опомниться» после того «внезапного и совершенного переворота в земельной собственности», который был произведен в результате норманнского завоевания. Затем государство «пылко и неблагоразумно вступилось за притязания своих Королей на престол Франции и долго истощало свое могущество в тщетных предприятиях покорить ее», после чего «возгорелись кровопролитные войны между Домами Йоркским и Ланкастерским и вовлекли Королевство в самое ужасное из всех бедствий» [8, т. I, с. 302–303]. В нескольких предложениях историк представил английскую средневековую историю в качестве убедительной иллюстрации к тезису о разрушительном воздействии войн.

Рассматривая в первом томе «Устроение гражданских обществ в Европе, от разрушения Римской

империи до начала шестнадцатого столетия», Робертсон демонстрировал абсолютное неприятие междоусобных войн, именуемых также частными, возникшими «по частным неудовольствиям» [8, т. I, с. 44]. «Междоусобные войны, – писал историк, – производились с ужасною свирепостию, свойственною неумолимой ненависти... вторжение самого лютого врага не может быть опустошительнее их для государства и гибельнее для народа» [8, т. I, с. 251]. Робертсон приводит не только «главные постановления, вошедшие в обычай касательно права и производства междоусобий», но и «различные средства, употребленные для их ограничения и уничтожения» [8, т. I, с. 252–261], обстоятельно объясняя, что именно понималось после 1032 г. под «Миром Божиим», а с 1245 г., при Людовике Святом, – под «Королевским Миром» [8, т. I, с. 254–255]. Именно по поводу законов против междоусобных войн Робертсон произнесет столь характерную для просветителей фразу: «Как медленны успехи разума и общественного благоустройства!» Ему представлялось удивительным, что законы, которые «кажутся нам так справедливы, ясны и просты, требовали для своего утверждения вековых усилий гражданской и духовной власти» [8, т. I, с. 257].

Иные акценты были расставлены исследователем применительно к войнам XVI в. Особую роль в их развязывании Робертсон отводил личностному фактору. Он полагал, что «глубокий и всеобщий мир» в Европе был подорван соперничеством двух императоров, результатом чего стали войны, «каких не было в новейшие времена по продолжительности и числу участников» [8, т. II, с. 50]. В войнах эпохи Карла V Робертсон видел глубокий позитивный смысл, так как, по его мнению, европейские державы «приобрели внутреннее могущество, узнали свои средства, испытали силы свои и научились соделывать их грозными другим». Войны способствовали преодолению разобщенности, одинокие прежде государства «коротко познакомились, вошли в тесные связи между собою, составили одну великую систему политическую», причем, по мнению Робертсона, и ко времени написания его труда «удерживают в ней места, в то время занятые ими, не испытав таких важных перемен, каких можно было бы ожидать после происшествий в продолжение двух деятельных столетий» [8, т. IV, с. 235–236]. Это стало возможным ввиду примерно равного их потенциала, так как, полагал Робертсон, завоевания «бывают обширны и быстры только при великом неравенстве гражданского состояния народов», что было характерно в эпоху Александра Македонского, Чингисхана и Тамерлана [8, т. IV, с. 233].

В то же время Робертсон весьма позитивно рассматривал здесь изменение отношения Англии к

«Державам на твердой земле», ее отказ от «страсти к завоеваниям», от изнуравших ее силы «непрерывных и бесплодных войн». Это сказало, полагал он, и на ее взаимоотношения с Шотландией, веками защищаемой «природою и храбрым, смелым народом» от «опасного, если не совсем несбыточного намерения завоевать эту страну». Используя «бедность шотландцев и свирепые внутренние раздоры», с помощью подкупа «народных вождей, министров и королевских любимцев», Англия добила такого влияния в Шотландии, какого не могли принести ей войны [8, т. IV, с. 245]. Текст «Истории» Робертсона, таким образом, вслед за работами Монтескье, давал ощутимые аргументы как сторонникам, так и противникам реалистической школы.

В противоположность Робертсону, Э. Гиббон последовательно выступил против всех войн, противопоставив романтизации войны тезис о том, что «пока человечество не перестанет расточать своим губителям похвалы более щедро, чем своим благодетелям, стремление к военной славе всегда будет порочной склонностью самых возвышенных характеров» [9, т. I, с. 55]. Он подчеркивал значимость войн в истории человечества, писал, что «не мог бы умолчать о таких событиях, которые по своей необычайной важности останавливают внимание философа на истории кровопролитий» [9, ч. VII, с. 124], вполне осознавая важность исторического материала для философских обобщений. В главном труде Э. Гиббона, завершеном в 1787 г., была прослежена история упадка не только вечного города, но и всей империи вплоть до падения Византии. Масштабность исследования о цивилизации, сделавшей, по словам немецкого историка следующего столетия Т. Моммзена, расширение государства «единственным незапретным высоким стремлением» [23, с. 37], позволила многократно высказать авторское отношение к проблемам войны и мира.

Уже на первой странице «Истории» Гиббон выделяет три важнейших, с его точки зрения, причины основных завоеваний римского оружия, совершенных при республике: политика сената, деятельное соревнование консулов, воинственный энтузиазм народа [9, т. I, с. 51]. Гиббон афористично охарактеризует сущность трансформаций, происходивших в Риме по мере расширения его пределов: «общественную свободу поглощали обширные завоевания» [9, т. I, с. 57]. Кризис республики и переход к империи изменит систему ценностей: уже Август, основатель империи, оставит «своему преемнику ценное наследство, дав ему совет не расширять империи далее тех границ, на которые как будто сама природа указала ей как на ее постоянный оплот и пределы». Трусовость и пороки ближайших преемников Августа имели и положительные следствия: согласно Гиббону, «к счастью для спокойствия чело-

веческого рода» закрепилась «скромная система, рекомендованная мудростью Августа» [9, т. I, с. 52–53]. «Приятную картину всеобщего мира» представят царствования Адриана и Антонина Пия («если исключить незначительные военные действия, предпринятые ради упражнения пограничных легионов») [9, т. I, с. 57]. Наиболее отчетливо выразил негативное отношение к войнам Э. Гиббон при описании взятия Константинополя крестоносцами: «Но в плачевном итоге войн прибыль никогда не бывает равномерна с утратой, а радость никогда не бывает равномерна со скорбью» [9, ч. VII, с. 55]. В его характеристиках войн немало сарказма, откровенной насмешки. Касаясь завоевания Британии римлянами, Гиббон замечал, что войну «начал самый глупый из всех императоров, продолжал самый распутный, а окончил самый трусливый» [9, т. I, с. 53]. Монгольское нашествие Гиббон сравнивал с «теми конвульсиями природы, которые когда-то потрясли земной шар и изменили его внешнюю оболочку» [9, ч. VII, с. 124].

Взгляды на проблемы войны и мира, характерные для «Исторического Триумvirата Британии», как и их историческое наследие в целом, оказали заметное влияние на ценностные ориентиры европейского научного сообщества, на постепенную корректировку общественного мнения. В России как минимум с момента публикации в начале 90-х годов XVIII в. «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина труды Д. Юма, В. Робертсона, Э. Гиббона рассматривались в качестве признанных образцов исторических произведений [24, с. 252]. Разносторонним было их влияние на творчество Н.М. Карамзина как крупнейшего историка эпохи Просвещения в России, чья «История государства Российского» создавалась в контексте европейского научного пространства, предопределялась процессами, происходившими в зарубежной науке, не в меньшей степени, нежели ситуацией в отечественной [25]. Многие положения британских историков, касающиеся проблем войны и мира, оказались весьма близки мировидению Карамзина [26].

Как и идеи И. Канта, на излете XVIII столетия провозгласившего, что «истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру только на кладбище человечества» [27, с. 263], выводы, к которым пришли представители англо-шотландской историографической традиции, актуальны и сегодня. Не утратила, увы, своей значимости и афористичная формула Э. Гиббона, написанная свыше двухсот лет назад по поводу завоеваний Тимура: «В юриспруденции завоеваний всегда легко отыскивается какой-нибудь законный мотив для войны – собственная безопасность или

мщение, честь или религиозное рвение, право или выгода» [9, ч. VII, с. 176–177].

Современные исследования мира, аккумулируя тот опыт, который позволяет сегодня, опираясь на самые последние достижения в этой области, рассматривать целый комплекс проблем, связанных с классификацией войн, определением их циклич-

ности, выявлением условий, приводящих к установлению и поддержанию мира, столь неоднозначно трактуемого [28], неизбежно вбирают в себя и те раздумья представителей англо-шотландской историографической школы, которые давно и прочно вошли в ткань общечеловеческих размышлений о войне и о мире.

Литература

1. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984.
2. Юм Д. Об изучении истории // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1965.
3. Болингброк Г. План для всеобщей истории Европы // Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.
4. Вольтер. История царствования Людовика XIV и Людовика XV. Ч. 1. М., 1809.
5. Вольтер. История Карла XII, короля шведского. СПб., б/г. О влиянии Болингброка на Вольтера см.: Барг М.А. Болингброк и английское Просвещение // См. [3]. С. 277–278.
6. Монтескье Ш. Размышления о причинах величия и падения римлян // Избранные произведения. М., 1955.
7. Шлет Г. История как проблема логики. М., 1916.
8. Робертсон В. История государствования императора Карла V. Т. I–II. 1775–1778; Т. I–IV. М., 1839.
9. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. I, II. СПб., 1997; Ч. VII. М., 1886.
10. Переписка Фридриха Великого короля Прусского с господином Вольтером. Ч. 1. СПб., 1816.
11. Вольтер и Екатерина II. СПб., 1882.
12. Письма Вольтера. М.;Л., 1956.
13. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.
14. Кареев Н.И. Предисловие к русскому переводу // Сорель А. Монтескье. СПб., 1898.
15. Hume D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. V. I–VIII. London, 1862.
16. Юм Д. Автобиография // Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании. М., 1995.
17. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1965.
18. Юм Д. Исследование о принципах морали // Там же. Т. 2.
19. Юм Д. О населенности древних народов, каковою она является из писаний историков, мудрецов и стихотворцев тех времен. СПб., 1806.
20. Юм Д. О свободе печати // Там же. Т. 2.
21. Юм Д. Идея совершенного государства // Там же. Т. 2.
22. Юм Д. Англия под властью Стюартов. Т. I. СПб., 2001.
23. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1994.
24. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984.
25. Рудковская И.Е. Н.М. Карамзин и англо-шотландская историографическая традиция второй половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. № 281. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». Томск, 2004. Март.
26. Рудковская И.Е. Мир и война в мировоззрении и историческом творчестве Н.М. Карамзина // Интеграционные процессы и проблемы междисциплинарного взаимодействия в современной науке: Материалы Междунар. науч. конф. Томск, 2006.
27. Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 6. М., 1966.
28. Matsuo M. Peace and Conflict Studies. A Teoretical Introduction. Hirosima, Japan, 2005.